

*Посвящается Роланду,
«Флеймтроуэрс» и мне самой*

Глава 1

Когда я только начинала работать барменшей, меня никто этой хитрости не учил, но, к счастью, я быстро дошла до нее сама: когда в бар входит группа мужчин, нужно определить, кто из них альфа-самец.

Справишься с ним — можешь рассчитывать на какое-никакое уважение со стороны остальных. Сегодня я вычисляю его с первого же взгляда. Он самый высокий и красивый из всех, с самовлюбленным выражением лица. Как предсказуемо!

Они с друзьями явно сбежали с местной студенческой вечеринки: заскучали и решили отправиться на поиски приключений. На всех пастельные рубашки поло. Ну, мальчики-колокольчики, держитесь! Кажется, сейчас будет весело. Бар «Тупик дьявола» не для слабых духом. Я вижу, как байкеры за бильярдными столами начинают с ухмылками переглядываться. Охранник, сидящий у двери, расправляет плечи. Забавно, что больше всего проблем у нас возникает, когда в баре появляются именно такие пай-мальчики.

— Заблудились, ребятки? — без улыбки обращаюсь я к альфе.

— Привет, мистер, — бросает он в ответ.

Это шпилька в сторону моей короткой стрижки, и его друзья со смехом тянут:

— Ой, блин!

Меня зовут Дарси, и у него нечаянно выходит каламбур с отсылкой к Джейн Остин. Сомневаюсь, впрочем, что сам он его бы понял. В упор смотрю на него, сощурившись, и смех застревает у него в горле. Альфа-мальчик вспоминает, что выпивку тут наливаю я.

— Но честное слово, вы очень круто выглядите.

Моя коллега Холли спешит скрыться с глаз. Она у нас новенькая, и от их взглядов ей не по себе.

— Сбегаю-ка я за... за кассовыми лентами.

И она исчезает в подсобке, обдав меня запахом дезодоранта с ароматом гардении.

Я продолжаю сверлить альфа-мальчика взглядом и, когда он первым отводит глаза, на мгновение испытываю ощущение триумфа. Теперь альфа я.

— Мы, судя по всему, стрижемся в одной парикмахерской, потому что ты тоже ничего так выглядишь. А теперь заказывайте что-нибудь или выметайтесь!

Парнишка явно не привык к такому обращению со стороны женщины, и, к его изумлению, оно ему нравится. Он демонстративно пережевывает жвачку, не сводя с моего лица заинтересованных глаз.

— Во сколько ты заканчиваешь работу?

Я представляю себе Кена, приятеля куклы Барби, слишком долго пролежавшего на солнце, и мысленно наступаю на его загорелое лицо, словно это сигаретный окурочок.

— Даже не мечтай.

Он явно задет за живое. Смазливая физиономия всю жизнь была его пропуском за кулисы, и он не понимает, почему она не действует на меня. Со мной

что-то не так? Бьющий в лицо свет превращает его лицо в бежевый блин без единого пятнышка тени, и я понимаю, что в нем нет ничего, что могло бы меня заинтересовать. В том, что касается лиц, я — сноб. Лицо без теней — не лицо.

— Что пить будете?

Даже не дожидаясь ответа, тянусь к рюмкам для крепких напитков.

— Самбуку! — выкрикивает кто-то из этих сопляков.

Ну разумеется. Любимое пойло дегенератов.

Я разливаю выпивку и принимаю оплату. В банку для чаевых со звоном летят монеты. Этим ребятам нравится, когда с ними обращаются как с грязью. Им очень хочется получить полный спектр острых ощущений от сафари в бар для байкеров, и меня они воспринимают как своего проводника. Их вожак продолжает подбивать ко мне клинья, явно намереваясь взять измором, но я разворачиваюсь на полуслове и ухожу.

Сейчас вечер воскресенья, но наши посетители не беспокоятся, что не успеют отдохнуть перед завтрашним рабочим днем.

Моя бабка Лоретта как-то раз сказала, что если ты способен налить напиток в стакан, то сможешь найти работу где угодно. Она тоже была барменшей в свои двадцать. Это был хороший совет; я наливала напитки в стаканы по всему миру и справлялась со всеми возможными вариантами альфа-самцов.

Интересно, что сказала бы Лоретта, если бы могла видеть меня сейчас: я разливаю пиво, готовая в любой момент выдать заранее заготовленное бранное слово. Наверное, со смехом захлопала бы в ладоши и воскликнула: «Мы с тобой могли бы быть близнецами,

Дарси Барретт!», потому что она всегда так говорила. Когда на ее похоронах показывали слайд-шоу из фотографий, я прямо-таки чувствовала, как она искоса поглядывает на меня со снимков.

Мы могли бы быть близнецами. На полном серьезе. Теперь я сплю в ее спальне и доедаю оставшийся после нее запас консервов. Осталось только начать носить в сумочке хрустальный шар и гадать на картах Таро, и тогда я официально стану ее реинкарнацией.

Холли, судя по всему, отправилась за кассовой лентой не иначе как на бумажную фабрику. Терпение у одного из облаченных в кожаные куртки байкеров уже явно на исходе, и он искоса поглядывает на Пастельных Рубашек. Я киваю ему и поднимаю палец — одну минуту. Он недовольно пыхтит, но все же решает обойтись без членовредительства.

— О, у тебя кожаные штаны? — Один из Пастельных Рубашек перегибается через барную стойку и окидывает взглядом мою корму. — Ты прямо как Сэнди из «Бриолина»... — Его взгляд фокусируется на бейджике с выдуманном именем, который я приколола над левой грудью. — Джоан.

Его скептический взгляд спускается чуть ниже. Видимо, я не очень-то похожа на Джоан.

— Я — Риццо, идиот. И если ты не прекратишь висеть на стойке и пялиться на мои сиськи, сейчас сюда подойдет Кит. Вон тот, который сидит у двери. В нем шесть футов десять дюймов, и ему скучно. — Я машу Киту пальчиками, и он со своего табурета отвечает мне тем же.

— Ему скучно, мне скучно, и Кожаным Курткам тоже очень, очень скучно.

Я передвигаюсь вдоль стойки, раздаю стаканы и принимаю оплату, каждый раз задвигая бедром кассовый ящик.

— Джоан права. Нам очень скучно, — шутовским тоном подтверждает один из байкеров помоложе.

Он стоит, привалившись к стойке, и с интересом наблюдает за разговором. Пастельные Рубашки вздрагивают и как по команде утыкаются в свои телефоны. Мы с байкером ухмыляемся друг другу, и я протягиваю ему пиво — за счет заведения.

Всё, они меня окончательно достали.

— От самбуки у вас яйца скукожатся. Ой, кажется, для выпивки слишком поздно. Всё, катитесь отсюда!

Они послушно тянутся к выходу.

Когда все уже позади, из-за двери выглядывает Холли с вытаращенными глазами. В руках у нее ничего нет. Она вся — сплошные коленки и локти, и наш босс Энтони принял ее на работу, не задав ни единого вопроса. Такие лица, как у нее, пользуются успехом у работодателей. И кому какая разница, если она не способна ни сдачу отсчитать, ни напитки разлить, ни с мужиками управиться.

— Я всегда так радуюсь, когда вижу, что нас с тобой поставили в одну смену! — Холли усаживается на скамейку и выдыхает, шумно и протяжно, как будто успела изнемочь от тяжелой работы; на бейджике у нее написано «Холли», вдобавок она украсила его наклейкой в виде сверкающего розового сердечка. — Рядом с тобой я чувствую себя в большей безопасности. Ты, наверное, и за Китом тоже приглядываешь.

— Так оно и есть. — Я ловлю его взгляд, и он согласно кивает, прислонившись спиной к стене на своем табурете.

Хотите еще одну маленькую хитрость из арсенала бармена? Всегда дружи с охраной. Я наливаю пойло всем этим ребятам, а Кит следит за тем, чтобы они не слишком расхотелись. Мне приходит в голову, что, наверное, следовало бы поделиться этими премудростями с Холли. Впрочем, я не хочу, чтобы она задерживалась на этой работе дольше необходимого.

— Когда я уйду, придется тебе отрастить броню.

— Сколько еще ты планируешь здесь проработать? — Холли поджигает губы.

— Ремонт бабушкиного дома начнется через два месяца, если только опять что-нибудь не отложится. Как он начнется, так я сразу и свалю. — Блестящая наклейка на бейджике Холли действует мне на нервы. — Я бы на твоём месте ни за что не стала в подобном заведении вывешивать на груди свое настоящее имя.

Она склоняет голову набок. С ее внешностью ей впору было бы сниматься для свадебных каталогов — в пышном кружевном белом платье и с тиарой на голове.

— Никогда не думала назваться вымышленным именем. А какое подошло бы мне?

Если в моем портативном принтере для печати наклеек на бейджи еще осталась чистая лента, это будет настоящее чудо. Промышленный запас бейджиков как нельзя лучше характеризует степень озабоченности Энтони текучкой кадров. Нужно, наверное, израсходовать их еще сотню, чтобы он начал задумываться.

— Из тебя вышла бы отличная Дорис.

— Оно какое-то старушечье, — морщит носик Холли.

— Ты хочешь сексуальное вымышленное имя? Хол, не смей меня.

Я распечатаваю наклейку и леплю ее на бейдж. Когда я протягиваю его ей, она некоторое время молчит.

— По-твоему, я похожа на Берту?

— Определенно.

Я обслуживаю еще несколько клиентов.

— Нет, я скорее уж Гвендолин. Или Вайолет?

Однако она послушно прикалывает бейджик на грудь.

Я забираю у нее старый и отправляю в мусорку. Может быть, если она будет продолжать в том же духе, я смогу в свою смену немного расслабиться.

— Когда-нибудь ты станешь доктором Бертой Синклер, консультирующей попугаев в депрессии и каждый день укладывающейся в постель ровно в девять вечера. — Мой тон кажется мне слишком похожим на тон заботливой старшей сестры, и я добавляю: — А может, ты будешь ветеринаром где-нибудь в южноамериканских джунглях. Будешь помогать попугаям ара вновь поверить в любовь.

Она сует руки в тесные карманы и улыбается:

— Честное слово, в ветеринарной школе мы проходим не только одних попугаев! Я же тебе говорила.

— Эй, крошка! — окликает Холли какой-то парень.

Плохие мальчики любят хороших девочек.

— Тебе виднее, — говорю я ей, а ему я бросаю: — Отвали!

Она подхватывает игру:

— И когда я буду делать диагностическую лапароскопию какой-нибудь старой кошке, ты в это время будешь где-нибудь в южноамериканских джунглях, со своим рюкзаком за спиной, прорубать себе дорогу через лианы.

Она взмахивает в воздухе воображаемым мачете.

— Вообще-то, мне уже приходилось это делать в Андах, — признаюсь я, стараясь, чтобы мои слова не прозвучали так, будто я хвастаюсь; нет ничего хуже, чем самодовольный путешественник. — Пожалуй, мачете сейчас было бы очень кстати. — Я обвожу взглядом нашу клиентуру.

— Я тут заглянула в твой Инстаграм. Ты в стольких странах побывала, я просто сбилась со счета.

— Я задевала куда-то свой паспорт, а то посчитала бы для тебя штампы.

Принимаюсь собирать грязные стаканы, в очередной раз ломая голову над тем, куда же мог запропаститься мой паспорт. Наверное, это призрак Лоретты шутит со мной шутки. Или его спрятал мой братец Джейми.

При мысли о хорошеньких глазках Холли, разглядывающих фотографии из моей прошлой жизни, мне становится не по себе. Я представляю, как их пролистывают мои бывшие. Любопытные партнеры на одну ночь. Бывшие клиенты моей фотостудии. Или, того хуже, клиенты Джейми. Надо убрать аккаунт под замок. Или вообще удалить.

— Я видела там ваши фотографии с братом. Вы так похожи, с ума сойти! Он такой красавчик! Мог бы подрабатывать фотомоделью.

Последние слова вырываются у нее в каком-то невольном приступе откровенности. Сколько раз я уже это слышала.

— Да, он даже как-то раз пробовал, и ему не понравилось. Он терпеть не может, когда им командуют. Но спасибо тебе на добром слове. Это комплимент и мне тоже, — говорю я, но до нее не доходит.

Мы с Джейми похожи, потому что мы близнецы. Вот только в близнецовой иерархии мы находимся в самом низу. Мальчик и девочка. Ни одеться одинаково, ни выдать себя друг за друга. Разнойцевые близнецы. Скучота!

Но стоит только признаться, что мы близнецы, как мы немедленно начинаем вызывать у некоторых людей жгучий интерес. Они всегда спрашивают: а кто из нас появился на свет первым? А можем ли мы слышать мысли друг друга? А когда одному больно, другой это чувствует? Я с силой щиплю себя за ногу. Вот тебе, Джейми! Надеюсь, ты сейчас вскрикнул и пролил свою выпивку где-нибудь в модном баре в центре города.

Если он красивый, то теоретически и я должна быть тоже очень даже симпатичной, но в школе меня слишком часто звали Джейми в парике, чтобы я могла в это поверить. Если нас поставить рядом и смыть с моего лица косметику, то меня ошибочно примут за его младшего брата. Такое уже случалось.

— И куда ты отправишься первым делом?

Холли определенно из девушек того разряда, которые отлично смотрелись бы в берете на вымощенной брусчаткой улочке. С багетом в корзинке велосипеда.

— Я намерена зарыть все бейджики с моими именами в землю в японском лесу самоубийц Аокигахара. Только тогда моя душа освободится от этого бара.

— Значит, не в Париж, — заключает она, ковыряя носком белоснежной кроссовки выбоину в полу.

С трудом удерживаюсь, чтобы не рассмеяться при мысли о том, что попала в точку. Прислоняю к ноге Холли швабру, но она сжимает ее обеими руками, точ-

но героиня какого-нибудь мюзикла, готовая залиться пением.

— Почему ты так много путешествуешь?

— Мне говорили, что у меня повышенная импульсивность, — строю гримаску я.

Она все еще думает о том, что узнала о моей жизни.

— Ты же была свадебным фотографом. — Она окидывает меня взглядом. — Как это у тебя получалось?

— Все просто. Ищешь девушку в белом платье и делаешь вот так. — Я вскидываю воображаемую камеру и пальцем нажимаю на воображаемую кнопку.

— Нет, в смысле, разве ты не постоянно путешествовала?

— Ну, в сезон я жила у бабушки и фотографировала свадьбы. А остаток года путешествовала. — При этом я, мягко говоря, едва сводила концы с концами, однако как-то умудрилась прожить таким образом шесть лет. — Когда мне нужны деньги, я устраиваюсь в какой-нибудь бар. На фотографиях из путешествий я тоже пытаюсь зарабатывать, но они не слишком хорошо продаются.

— Слушай, не хочу тебя обидеть, но...

— Обычно с этих слов начинают, когда хотят сказать что-то обидное, — обрываю ее я.

К счастью, тут у барной стойки очень кстати нарисовывается один байкер постарше, весь в татуировках и с бурыми пятнами в бороде. Он ходячее воплощение омерзительности, но пока я наливаю ему выпивку, он молчит, и я в награду ему улыбаюсь. Вид у него медленно делается встревоженный.

Когда он уходит, я отправляюсь в туалет и перед зеркалом растягиваю губы в вежливой улыбке. Кажет-

ся, я разучилась это делать. Собственное отражение напоминает мне акулий оскал.

Холли, впрочем, сбить с мысли не так-то просто. Я долго и тщательно поправляю волосы, заново подвожу глаза, целую вечность мою руки, и все равно, когда возвращаюсь, она продолжает ровно с того же места, на котором закончила:

— Но ты и свадьбы — это как-то не вяжется.

— Это еще почему, Берта?

Не могу даже сосчитать, сколько раз я слышала этот комментарий на свадебных вечеринках от подвыпивших гостей, которые лезли мне под руку, в то время как я пыталась снять первый танец новобрачных.

— Свадьбы — это романтика. А ты совершенно не романтичная.

— А мне и не нужно быть романтичной. Нужно просто понимать, что кажется романтичным клиенту.

Я вроде бы не должна чувствовать себя задетой, но почему-то злобно пинаю задвинутую под стойку картонную коробку и бросаю сердитый взгляд на нашу неотесанную клиентуру.

Какая-то парочка совокупляется прямо в закутке у туалетов. Ритмичные движения его бедер вызывают у меня неукротимое желание блевануть. Однако же время от времени, когда они отрываются друг от друга, чтобы сделать глоток воздуха, и их губы размыкаются, его рука погружается в ее волосы, и они так друг на друга смотрят, что у меня внутри что-то екает. Я смогла бы даже этих двух придурков снять красиво.

А потом открыла бы пожарный кран и вымела бы обоих за дверь струей из брандспойта.

— Значит, в ваших отношениях с Винсом места романтике нет совсем? — спрашивает Холли с таким видом, словно заранее знает ответ.

Впервые увидев его, когда он здесь околачивался, она сказала: «Он нехороший парень, Дарси». На что я ответила: «У него пирсинг в языке, так что кое-что хорошее в нем все-таки есть». У Холли просто челюсть отвисла.

Я заглядываю в ближайший ко мне холодильник, чтобы оценить наши запасы.

— У меня в заднем кармане сборник сонетов. Когда мы с ним в следующий раз увидимся, я непременно продекламирую ему что-нибудь оттуда вслух.

— Но ты в него не влюблена.

Я только смеюсь в ответ. Хватит с меня влюбленностей.

— Он для меня — способ убить время. Я торчу здесь уже куда дольше, чем намеревалась.

Только бы обошлось без вопроса: «А ты вообще была когда-нибудь в кого-нибудь влюблена?»

— Хм, ну да, наверное, я не романтичная, — добавляю я.

— Почему ты бросила свадебную съемку?

Слово «бросила» задевает меня за живое, и Холли видит это по моим глазам. Она опускает взгляд и принимается теребить свой бейджик:

— Прости. У тебя на сайте написано, что ты больше не берешь заказы на свадебную съемку. И что теперь ты занимаешься предметной съемкой. Что это такое?

— Берта, почему бы тебе не спросить об этом «Гугл»?

Я пытаюсь облечь это в шутливую форму, но на самом деле я сердита. Ну почему она постоянно пытается набиться мне в подружки? Она что, не понимает, что я уезжаю?

Надо снести этот сайт к чертовой матери!

— Ты никогда не разговариваешь со мной по-человечески, — протестует Холли слабым голосом. — Ни слова всерьез.

Ее хорошенькое личико все порозовело и сморщилось от огорчения. Я ухожу в конец стойки и поворачиваюсь к ней спиной. Потом беру пивную кружку, в которой хранятся мои именные бейджики. Надоело мне быть Джоан. Я решаю, что до конца смены буду Лорейн.

Дарси мне быть тоже надоело.

— Прости, — дрожащим голосом говорит Холли.

Я пожимаю плечами и, нырнув в холодильник, принимаюсь переставлять с места на место бутылки водки.

— Я просто... — «Застряла тут непонятно на какой срок без паспорта и забронированного билета на самолет. Сбылся мой ночной кошмар», — хочу я сказать, но вместо этого заканчиваю: — Стерва. Не обращай внимания.

Краешком глаза я замечаю отблеск лампы, отражающейся в бутылке виски, отчего ее содержимое становится золотым. Где-то глубоко под ложечкой у меня начинает сосать, и я выдыхаю, пока внутри не образуется пустота. В последнее время у меня пошла какая-то хроническая полоса тяжелых вздохов, в особенности когда я начинаю думать про свадьбы. Поэтому думать про них я отказываюсь.

Я веду собственный бизнес много лет, и за это время у меня, кажется, уже развился сверхъестественный нюх на мелочи, которые грозят вылиться в крупные проблемы. Холли до сих пор никто не оформил как полагается. Запасы выпивки требуют немедленного

пополнения. Может, алкоголь для Энтони — вовсе не главный источник дохода? Я иду в подсобку и там пишу записку:

Энтони, может, нам пора уже пополнить наши запасы? Хочешь, я сделаю заказ? Д.

Для непробиваемой стервы у меня предательски девчачий почерк. Что-то не припомню, чтобы на моей памяти кто-нибудь из ребят, работающих в дневную смену, строчил озабоченные послания руководству. Я комкаю записку.

Когда я возвращаюсь за стойку и принимаюсь считать деньги в кассе, Холли делает еще одну попытку, на этот раз вернувшись к вопросу, который мы обсуждали до того, как она наступила на мину.

— Но вообще, я думаю, Винс тебе не подходит. Думаю, тебе нужен кто-то из них.

Она имеет в виду Кожаные Куртки.

Я продолжаю сосредоточенно пересчитывать деньги. Пятьсот, пятьсот пятьдесят. Неожиданное заявление, учитывая, что исходит оно от нее. Она боится этих ребят до обморока. Все проблемы с ними улаживаю я.

— Почему ты так считаешь?

— Тебе нужен кто-то еще более крутой, чем ты, — пожимает плечами Холли. — Вот он, например. Он не сводит с тебя глаз и всегда старается сделать так, чтобы его обслуживала именно ты.

Я не даю себе труда даже оторваться от кассы, чтобы взглянуть на того, кого она имеет в виду. Шестьсот, шестьсот пятьдесят.

— Уж лучше я умру в полном одиночестве, чем свяжусь с кем-то из этих придурков.

К стойке, лавируя между столами, пробирается тот самый байкер, который своим устрашающим видом помог мне выпроводить толпу студентиков. Халявное пиво он, похоже, уже прикончил. Быстро же.

— Кого-то сегодня явно мучает жажда, — замечаю я и наливаю ему его обычную порцию виски.

— Ужасно, — подтверждает он, — и скука тоже.

— Ну, поэтому вы все здесь и толчетесь. Так, если у вас сегодня в планах подраться с теми ребятами, будьте так любезны, делайте это на парковке, пожалуйста.

Взгляд его льдисто-голубых глаз останавливается на моем бейджике.

— Без проблем. Увидимся, Лорейн.

Он расплачивается, оставляет мне чаевые и уходит.

— Это он в тебя влюблен, — сообщает Холли, излишне громко.

Глава 2

Он оступается, и виски из его стакана выплескивается на пол. Он быстро восстанавливает равновесие и идет прочь. Кажется, успел здорово набраться.

— Заткнись! — шиплю я ей.

До сих пор я вообще толком не замечала этого типа, но сейчас понимаю, что он высокий, красивый, татуированный. Мышцы, задница, мотоботы. Годен по всем параметрам. И даже лицо довольно фактурное.

Представляю себе, как пытаюсь с ним поговорить. Потрогать его. Познакомиться поближе. Потом думаю, как он будет проделывать все то же самое со мной.

Возможно, он мог бы подкинуть меня до аэропорта.

— Я пас, — говорю я, бросаю в сторону Холли взгляд, недвусмысленно говорящий: «Не лезь не в свое дело», и вижу, что мое сообщение достигло адресата.

Примерно час мы с ней вежливо избегаем друг друга; она отпускает выпивку, а когда приходится пробивать чек, то взирает на кассовый аппарат с таким священным ужасом, словно видит его впервые в жизни. Мне страшно даже думать о том, сойдется у нас сегодня касса или нет.

Я волоку из подсобки очередной бочонок с пивом, и мое сердце начинает знакомо колотиться о грудную клетку. И вроде бы у меня должно хватать соображения, но все равно это становится неожиданностью, потому что я идиотка. Казалось бы, врожденное нарушение сердечного ритма — это вещь, к которой рано или поздно привыкаешь, но я каждый раз думаю: господи, опять! Это те грабли, на которые я регулярно наступаю и тут же благополучно забываю до следующего раза. В остальном я в свои двадцать шесть лет совершенно здорова, но сейчас мне приходится присесть в кресло Энтони, чтобы переждать внезапную темноту перед глазами и тошнотворное трепыхание в груди.

— Тебе нехорошо? — обеспокоенно спрашивает Холли, выглядывая из-за двери. — Девушки не должны таскать тяжести.

— Да спину немного потянула, — не задумываясь, вру я, потирая поясницу. — Иди в зал.

— Надо было Кита попросить, — упрямо говорит она, и я указываю пальцем на дверь, пока она не исчезает.

Тем временем мое сердце продолжает галопом мчаться вверх по пожарной лестнице небоскреба, причем на деревянной ноге. Шажок — пауза — прыжок — подтянуть деревяшку. Все выше и выше, и никаких тебе перил, только без паники, главное — не полететь навзничь во тьму. Надо потерпеть, сейчас все пройдет. Но на этот раз я дышу так тяжело, как будто сама взбираюсь по лестнице. В такие моменты я почти ощущаю сердитую тревогу Джейми, клубящуюся вокруг меня; он силой своей воли заставил бы мое сердце биться снова.

Это Джейми виноват в моих проблемах с сердцем. Это он оторвал меня от пуповины в материнской утробе, чтобы неторопливо приложиться к ней самому, а потом с улыбочкой наблюдал, как я синюю, прежде чем возратить ее мне обратно. Мой кардиолог заверил меня, что такое невозможно, но я совершенно в этом уверена. Это абсолютно в духе Джейми.

По всей видимости, первой на свет должна была появиться я, но Джеймисон Джордж Барретт в самую последнюю секунду сделал рывок и обошел меня в очереди на выход. Он выскочил из мамы первым, розовый и крепкий, с воплем: «Есть!» Он был в верхнем процентиле по всем параметрам. Я же родилась желтушной и первую неделю своей жизни провела в скороварке для младенцев, подключенная к кардиомонитору. С тех самых пор Джейми опережал меня всегда и во всем, зарабатывая бесчисленные очки в классах, офисах, барах, зеркальных поверхностях, а возможно, и в постелях. Тьфу, гадость какая!

Видимо, с парнями в баре я без проблем управляюсь потому, что имела дело с альфа-самцом еще в утробе матери.

В городе, где теперь живет Джейми, сегодня шел дождь. Я представляю себе, как мой братец прогулочным шагом направляется по улице на работу своей мечты в инвестиционный банк. Понятия не имею, чем он там занимается. Наверное, купается в золотых монетах в банковском хранилище. Он в своем плаще «Берберри», с черным зонтом в одной руке и телефоном в другой. *Бла-бла-бла. Деньги, деньги, деньги.*

Что он сейчас сказал бы, если бы не наша ссора, после которой он перестал со мной разговаривать?

Дыши давай, ты уже вся серая.